

Греческ. [= сила] *καρτος*

древн.-ассир. *qardu* - сильный

Санскрит. *qardha* [= чрево]

семитск. *qirb* [съ тѣмъ же значеніемъ]

лат. *taurus*

арабск. *rawhit* [р- глухому зубному спиранту].

Если родство семитскихъ языковъ съ индо-европ. еще представляется спорнымъ, то родство его съ хамитскимъ языкомъ не подлежитъ сомнѣнію. Къ послѣднимъ принадлежитъ прежде всего древне-египетскій языкъ, древнѣйшіе памятники котораго начинаются около 4000 лѣтъ до Р.Хр. На потомкѣ его, - коптскомъ языкѣ, имѣется христіанская литература, а какъ живой языкъ онъ нѣсколько столѣтій тому назадъ былъ вытѣсненъ арабскимъ языкомъ. Далѣе относятся сюда языки берберійскіе въ сѣверной Африкѣ и хамитскіе языки Абиссиніи |

Въ юго-восточной Азіи есть языки, сходные другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что они не знаютъ ни склоненія, ни спряженія, но формальное значеніе словъ опредѣляется ихъ положеніемъ въ предложеніи. Это такъ называемые корневые языки. Родство ихъ между собою въ генеалогическомъ отношеніи [по происхожденію] пока не установлено. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ китайскій языкъ съ богатой литературой, начинающій съ первой половины 2-го тысячелѣтія до Р.Хр.

Этотъ односложный языкъ состоитъ приблизительно изъ 500 словъ, которыя однако произносятся съ различными удареніемъ, такъ что получается всего около 2000 словъ.

Такъ слово *ſi* [ſ = русскому звуку ч]

1] *ſ* . равнымъ долгимъ удареніемъ [ſī] имѣетъ значенія „знать, паукъ, вѣтъ, жиръ“

2] съ восходящимъ долгимъ удареніемъ [ſī̃] — задерживать, островъ, бумага“

3] Съ нисходящимъ долгимъ удареніемъ [ſī̄] „хотѣть, вспоминать, достигать, хищная птица, залогъ, свинья, спотыкаться“.

4] съ краткимъ *i* [ſi] — топоръ, сокъ, подниматься“ и др.

Къ корневымъ языкамъ принадлежатъ также языки сіамскій, бирманскій и др. Японскій же языкъ ни въ какомъ отношеніи не родственъ съ китайскимъ языкомъ тогда какъ прежде такое родство предполагалось вследствие того, что Японія долгое время находилась подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Китая, которое отразилось и на языкѣ [письмо]. Особо стоятъ пока также гималайскіе языки [тибетскій].

На Деканскомъ полуостровѣ мы находимъ семью дравидскихъ языковъ [томильскій, малабарскій и др.] и семью языковъ Мунда. Всѣ эти языки принадлежатъ автохтонамъ индійскаго полуострова. которыхъ

индуевъ оттѣснили на югъ полуострова. Въ сѣверо-восточной Азіи находимъ языки юкагировъ, чукчей, камчадаловъ, енисейскихъ остяковъ и др., родственныя отношенія которыхъ не выяснены. Древніе обитатели Каппадокіи, хеттаты, оставили цѣлый рядъ надписей, но еще не удалось ихъ прочесть; то же самое слѣдуетъ сказать о ванскихъ [эз. Ванъ] надписяхъ алародовъ.

Языки древнихъ обитателей Малой Азіи намъ мало извѣстны; надписи имѣются только на ликійскомъ и карійскомъ языкахъ; отъ прочихъ малоазійскихъ языковъ имѣются только собственныя имена и отдѣльныя слова изъ древнихъ авторовъ. Насколько можно судить на основаніи этихъ скудныхъ данныхъ, языки древнихъ арійцевъ, лидійцевъ, мизійцевъ, ликійцевъ, писидовъ, ликаонцевъ и киликійцевъ были родственны другъ другу и родственны также языку доэллинскаго населенія Греціи и острововъ Эгейскаго моря, насколько мы его знаемъ по топографическимъ названіямъ, усвоеннымъ греками, и немногимъ надписямъ.

Въ ередней Африкѣ—малоизвѣстны нубійскіе языки и языки негровъ. Почти вся южная Африка занята кафрескими племенами, говорящими на языкахъ "б а н т у", которые отличаются употребленіемъ префиксовъ, вмѣсто нашихъ суффиксовъ. Особо стоятъ неродственные и между собою языки готтентотовъ и бушменовъ.

Малайско-полинезійскіе языки распадаются на

группы:

- 1| Малайскую-на полуостровѣ Малаккѣ, на ближайшихъ большихъ островахъ и на Филиппинскихъ и Ладронскихъ островахъ;
- 2| полинезійскую въ Полинезіи, Новой-Зеландіи и Мадагаскарѣ;
- и 3| Меланезійскую въ Меланезіи [о.Фиджи и другіе къ сѣверо-востоку отъ Австраліи]. Мало изслѣдованы языки расы папуа [на нѣкоторыхъ австралійскихъ островахъ и частью на Борнео и Филиппинскихъ островахъ] и языки Австраліи. Столь же мало изслѣдованъ пока языкъ полярной Америки [эскимосовъ и алеутовъ] и американскихъ индѣйцевъ. Большинству изъ нихъ свойственъ такъ называемый полисинтетическій строй: въ глаголъ соединяются всевозможныя части предложенія, такъ что отъ одного глагольнаго корня образуется масса сложныхъ формъ.

Чтобы закончить разсмотрѣніе генеалогической классификаціи языковъ, перейду къ вопросу, не проходятъ ли всѣ языки міра отъ одного общаго праязыка. Такимъ вопросомъ задавались часто, и въ прежніе времена, многіе дѣйствительно держались такого

мнѣнія, считая еврейскій языкъ родоначальникомъ
 всѣхъ прочихъ языковъ. Въ настоящее же время убѣ-
 дились въ невозможности доказать происхожденіе всѣхъ
 языковъ отъ одного общаго для всѣхъ праязыка. Но
 съ другой стороны нельзя доказать, что извѣстныя
 намъ языки не могутъ имѣть общаго родоначальника.
 Въдѣ всѣ праязыки отдѣльныхъ семей языковъ относятся
 къ такимъ раннимъ эпохамъ, которымъ еще нельзя при-
 писывать высокой степени развитія. А поэтому и чис-
 ло общихъ родственныхъ словъ отдѣльныхъ семей не мо-
 жетъ быть велико. И если когда то и существовали
 родственныя по происхожденію слова, то съ теченіемъ
 времени они могли не только измѣниться до неузнавае-
 мости въ звукахъ и значеніяхъ, но могли и утратить-
 ся и замѣниться новыми словами такъ что могло ос-
 таться такъ мало родственныхъ формъ, что нельзя до-
 казать родства всѣхъ языковъ. Чтобы получить пред-
 ставленіе о скудности словарнаго состава въ primi-
 тивномъ состояніи языка, нужно вспомнить, что по под-
 счету нѣкоторыхъ исследователей неграмотный африка-
 нскій чернорабочій употребляетъ въ житейскомъ обихо-
 дѣ лишь около 300 словъ [тогда какъ у Шекспира око-
 ло 15000 словъ]. Должно имѣть въ виду, что языки
 дикарей измѣняются весьма быстро. Какъ извѣстно,
 среди американскихъ индѣйцевъ встрѣчали весьма мно-
 го различныхъ языковъ. Говорятъ, что индѣйцы иног-

да, коротая за огнемъ время, сочиняють новыя слова, и если новое слово нравится, то оно и принимается всѣмъ племенемъ. По разсказамъ миссіонеровъ въ южной Африкѣ, нарры часто оставляютъ своихъ дѣтей однихъ, такъ что дѣти по необходимости сами сочиняють себѣ языкъ, который, конечно, уже мало похожъ на языкъ родителей. И въ средней Америкѣ миссіонеры однажды составили словарь одного изъ тамошнихъ индѣйскихъ языковъ; когда они черезъ десять лѣтъ снова вернулись, то составленный ими словарь уже совершенно устарѣлъ. Это показываетъ, съ какою быстротой измѣняется примитивный языкъ. Поэтому, если даже допустить, что всѣ языки произошли изъ одного праязыка, то онъ не былъ богатъ, да и слова его съ теченіемъ времени измѣнились до неузнаваемости. При этомъ нельзя всегда рѣшать съ достовѣрностью, что составляетъ первоначальное состояніе и что заимствовано впоследствии. Затѣмъ сходство отдѣльных формъ иногда объясняется также общими сходствами психической и физической организаціи человѣчества. Ничто намъ не мѣшаетъ думать, что при одинаковыхъ условіяхъ человѣческой природы и окружающей среды отдѣльные племена могли создать свои языки совершенно независимо другъ отъ друга, когда они населяли отдѣленныя мѣстности земного шара и не находились между собою въ какихъ либо сношеніяхъ. Генеалогическая

классификація языковъ служитъ важнымъ средствомъ при опредѣленіи родственныхъ отношеній между народами. Такъ, родство между индусами, греками, славянами и др. было установлено на основаніи родства языковъ этихъ народовъ. Однако нужно имѣть въ виду, что генеалогическая классификація языковъ не должна непременно совпадать съ дѣленіемъ человѣчества на расы. Указанія языка при дѣленіи на расы очень существенны, но однихъ указаній языка недостаточно. Басковъ, напримѣръ, мы выдѣляемъ изъ индоевропейской семьи народовъ на основаніи ихъ языка. Но нельзя утверждать, чтобы всѣ народы, говорящіе въ настоящее время на индо-европейскихъ языкахъ, принадлежали къ индо-европейской расѣ. Вѣдь подъ давленіемъ внѣшнихъ условій цѣлый народъ можетъ усвоить себѣ чужой языкъ и постепенно забыть свой языкъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ частью финскихъ племенъ въ Россіи, и съ частью кельтовъ въ Римской Имперіи, и съ неграми въ Сѣверной Америкѣ, которые пользуются англійскимъ языкомъ и совершенно забыли языкъ своей родины.

ВОПРОСЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЯЗЫКА.

Мы уже видѣли, что остается открытымъ вопросъ о томъ, происходятъ ли всѣ языки міра отъ одного праязыка или же отъ нѣсколькихъ такихъ праязыковъ. Не поддается безспорному рѣшенію также вопросъ о проис-

хожденіи человѣческаго языка вообще. Когда то-это былъ главный вопросъ философіи языка, между тѣмъ, какъ теперь онъ почти устраненъ изъ науки, такъ какъ нѣтъ возможности рассчитывать на безспорное разрѣшеніе его. До сихъ поръ выставлялись разныя гипотезы о происхожденіи языка, которыя уже опровергнуты новыми успѣхами въ знаніи природы языка и его носителей. Одни полагали, что первоначально съ опредѣленными понятіями или представленіями произвольно сочетались опредѣленные звуки, но другіе это оспаривали, заявляя, что нѣтъ естественной связи между понятіемъ и выражающимъ его словомъ. И наблюденія надъ явленіями языка оправдываютъ такой скептицизмъ. Когда то высказывалось также мнѣніе, что человѣчествомъ былъ созданъ языкъ путемъ соглашенія | 26-624 |. Но для того, чтобы сознательно изобрѣсти что-нибудь, необходимо имѣть представленіе о томъ, что желательно получить. А разъ до тѣхъ поръ никакого языка не существовало, то никакого представленія о языкѣ не могли имѣть и никакого соглашенія и быть не могло.

При попыткахъ выяснить происхожденіе языка, мы должны имѣть въ виду слѣдующія соображенія. Языкъ и мышленіе не тождественны, хотя они во многихъ отношеніяхъ вліяютъ другъ на друга; языкъ гораздо болѣе ограниченъ нежели мышленіе, такъ какъ даже наиболее

развитой языкъ не въ состояніи выразить всё наши
 ли. Есть мысли и чувства, которыя однимъ звукомъ
 жестомъ передаются гораздо лучше, чѣмъ словами, и
 дѣти и взрослые съ живымъ темпераментомъ весьма час-
 то прибѣгаютъ къ жестамъ. Весьма сложнымъ языкомъ
 жестовъ пользуются глухонѣмые, обнаруживая при этомъ
 такую же бѣглость, какъ другіе въ языкѣ словъ. Мно-
 гія теоремы математики легко демонстрируютъ нѣсколь-
 кими простыми знаками или рисункомъ, тогда какъ на
 словахъ онѣ выражаются лишь съ трудомъ. И законы
 мышленія или категоріи логики не совпадаютъ съ грам-
 матическими законами. На основаніи всего этого заклю-
 чаемъ, что мышленіе было возможно еще до возникнове-
 нія языка. Далѣе указываютъ на слѣдующее: дѣти и
 дики часто обозначаютъ отдѣльныхъ лицъ или отдѣль-
 ные предметы тѣмъ, что своимъ собственнымъ голосомъ
 воспроизводятъ тѣ звуки, которыя по ихъ наблюденію
 издавались обозначаемыми лицами или предметами. Это
 такъ называемая теорія *van-van*. Ономатопе-
 тическія | звукоподражательныя | слова безспорно встрѣ-
 чаются во всѣхъ языкахъ, особенно въ примитивномъ
 состояніи цивилизаціи, но существенной роли въ язы-
 кѣ онѣ не играютъ, и однимъ звукоподражаніемъ проис-
 хожденіе языка не объясняется. Другимъ источникомъ
 его могли служить восклицанія или междометія, т. е.
 произвольные знаки чувствъ [а. ахъ]; играющіе нѣ

которую роль еще и въ языкѣ образованныхъ людей. Такъ и дѣти сначала издають безсознательные, чисто рефлекс-торные звуки, и отъ нихъ уже переходятъ къ сознательно-му употребленію знаковыхъ языка. Такіе рефлекс-торныя знаки чувствъ непроизвольно издавались въ аффектъ подобно тому, какъ сильные аффекты невольно сопровождаются и другими тѣлесными движеніями. Затѣмъ, по мнѣнію Вундта, возникновеніе языка могло быть вызвано пантомимическими движеніями, посредствомъ которыхъ или указываютъ предметы, возбуждающіе аффектъ или стараются дать предетавленіе о предметахъ и связанныхъ съ ними процессахъ формою движенія. Такіе жесты могли подготавливать происхожденіе языка. Къ нѣкимъ жестамъ, состоявшимъ въ движеніи той или другой части тѣла, присоединяють звуковые жесты, т.е. движенія органовъ рѣчи, и какъ результатъ ихъ - звуки. И съ теченіемъ времени эти звуковые жесты выделяются изъ числа всѣхъ прочихъ жестовъ, такъ какъ они легче воспринимаются [не только зрѣніемъ, но и слухомъ] и допускають большое количество видоизмѣненій. Таковы могли быть первыя начала языка, а дажѣнѣйшій путь его развитія еще во многихъ отношеніяхъ неясенъ. Можно только думать, что первоначальный языкъ представлялъ собою отдѣльные слова, вроде нашихъ: пожаръ! ворн!

ВОПРОСЪ О ПРАРОДИНѢ ЯЗЫКА.

Такъ какъ происхожденіе всѣхъ языковъ отъ одного и того же общаго праязыка не можетъ быть доказано, то мы можемъ говорить только о родинѣ отдѣльныхъ праязыковъ, напримѣръ, о родинѣ индо-европейскаго праязыка, о родинѣ семитекаго праязыка и т.д. при чемъ за недостаткомъ времени ограничимся вопросомъ о прародинѣ индо-европейскихъ семей языковъ, какъ наиболѣе насъ интересующихъ и наиболѣе разслѣдованныхъ. Какъ только наукою было установлено, что всѣ индо-европейскіе языки ведутъ свое начало отъ когда-то существовавшаго общаго праязыка, начали задаваться и вопросомъ, гдѣ была родина этого индо-европейскаго праязыка. Къ половинѣ 19 вѣка сложилось убѣжденіе, что эта прародина была въ Азіи, въ древней Бактріи, у истоковъ Аму- и Сыръ-Дарьи, къ юго-востоку отъ Каспійскаго моря. [Нѣкоторые считали даже Индію этою прародиною, ошибочно усматривая въ санскритѣ тотъ праязыкъ, отъ котораго произошли всѣ индо-европейскіе языки]. Теорія объ азіатской родинѣ индо-европейскаго праязыка опиралась, во-первыхъ, на общія соображенія объ Азіи, какъ колыбели человѣческаго рода, затѣмъ въ пользу мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Индіи, говорили преданія древнѣйшей литературы индійцевъ и иранцевъ [въ Ригведѣ индусы еще въ сѣверной Индіи]. И такъ какъ языки

древне индо-европейскій и древне-иранскій признава-
лись въ то время во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе древ-
ними по своему строю, то и полагали, что ихъ древнія
черты объясняются тѣмъ, что ихъ носители не удали-
лись далеко отъ индо-европейской прародины. Шмидтъ
въ пользу азіатской теоріи привелъ указанія на ста-
ринныя культурныя связи индо-европейцевъ съ семитами.

При этомъ онъ ссылается на такіа сходныя слова,
какъ 1| греч. *πέλεκυς*, санскр. *paraśu*,
[санскритск. *ṛ* часто соотвѣтствуетъ *l* другихъ язы-
ковъ|. Сходныя этимъ словамъ мы встрѣчаемъ въ Ва-
вилонѣ: суммерійское *balag*, древне-ассир. *pila-*
ku съ тѣмъ же значеніемъ "топоръ", что и вышепри-
веденныя санскритскія и греческ. Сходство корней
до нѣкоторой степени есть, и нѣкоторые ученые склон-
ны считать санскритск. и греческ. заимствованными
изъ ассирійскаго; 2| Славянское *руда*, древне-ис-
ландское *randi* | *ð* - звонкому зубному спиранту | сан-
скритское *lohā* - того же происхожденія [такъ какъ
санскритск. *l* часто соотвѣтствуетъ *ṛ* (ср. выше) *o*
изъ *au*, *h* изъ первоначально звонкой зубн. аспира-
ты]. Далѣе Шмидтъ указываетъ на то, что вліяніе Ва-
виллона сказалось и на индо-европейской системѣ счи-
сленія. Какъ извѣстно, сейчасъ у насъ существуетъ
десятичная система, однако можно еще указать у индо-
европейскихъ народовъ на слѣды 60-тичной системы

счисления, существовавшей въ Вавилонѣ, за основаніе которой была взята одна шестая часть года. Что эта система проникла въ индо-европейскіе языки, объ этомъ свидѣлствуютъ такіа данныя: 1) Въ греческомъ языкѣ 60-ἑξήκοντα [ἑξ - шесть, т. е. числительное количественное]; 70 ἑβδομήκοντα | ἑβδομος - седьмой, т. е. числительное порядковое; такимъ образомъ, въ способѣ образованія числительныхъ до 60 и послѣ 60 въ греческомъ есть рѣзкая грань, 2) Въ латинскомъ языкѣ *sescenti* [= 600] употребляется въ значеніи неопредѣленнаго числа, т. е. въ значеніи греч. *μύριοι*, церк.-слав. тѣма, 3) Въ готскомъ 60 = *aihshtigis* | чит - ä | 70 = *siwintehund*, т. е. такъ же грань въ образованіи числительныхъ до и послѣ 60, какъ и въ греческомъ; кроме того, *hund* въ готскомъ употребляется въ значеніи и 100 и 120 [такъ называемая "большая сотня"]. 4) Наконецъ, во французскомъ послѣ 60 | *soixante* | числительныя образуются иначе, чѣмъ до 60; такъ 70 = *soixante dix*

Все это указываетъ на 60-тичную систему счисления, а это послѣднее - на культурныя сношенія съ Вавилономъ. Изъ этого Шмидтъ и дѣлаетъ заключеніе, что прародину индо-европейцевъ надо искать по соседству съ Вавилономъ. Однако, самъ же Шмидтъ указалъ, что 60-тичная система существуетъ и у зырянъ, а выво-

доть Финновъ изъ Азіи нельзя. Остается, такимъ образомъ, возможность предположить заимствование и чрезъ культурную промежуточную среду; иногда культурныя понятія идутъ и окольными путями. Такимъ образомъ, азіатская теорія прародины индо-европейцевъ не можетъ быть доказана.

Въ настоящее время большинство ученыхъ держатся того мнѣнія, что прародина индо-европ. была въ той или другой мѣстности Европы. Впервые это мнѣніе высказалъ англичанинъ *Latham* въ 1851 году. Въ пользу своей гипотезы онъ привелъ то обстоятельство, что въ Европѣ мы находимъ гораздо больше индо-европейскихъ племенъ, нежели въ Азіи, гдѣ въ старину жили только индо-иранцы, а отдѣленіе меньшинства отъ большинства болѣе вѣроятно, чѣмъ отдѣленіе большинства отъ меньшинства. Послѣ него и другіе высказывались за Европу, не соглашаясь другъ съ другомъ только въ болѣе точномъ опредѣленіи искомой прародины [указывалось на Скандинавію, сѣверную Германію, Писскія болота, южно-русскія степи]. Европейскую теорію отстаивали также антропологи и археологи, приводя доказательства изъ области своихъ наукъ. Но доводы ихъ не очень убѣдительны. Антропологи утверждали, что черепа индо-европейцевъ ничѣмъ не отличаются отъ найденныхъ при раскопкахъ череповъ доисторическихъ обитателей Европы и заключали изъ этого,

что индо-европейцы уже искони живутъ въ Европѣ, предполагая, что краніологическая [краніологія - науна о формахъ черепа] признаки не измѣняются, а между тѣмъ такой авторитетъ, какъ Вирховъ допускаетъ возможность перехода долихоцефаловъ [длинноголовыхъ] въ брахицефалы. Кромѣ того, наблюденіе надъ существующими нынѣ расами установили въ большей или меньшей степени смѣшеніе различныхъ типовъ череповъ. Шаткость доводовъ антропологии сказывается и въ томъ, что мнѣнія различныхъ антропологовъ часто совершенно расходятся другъ съ другомъ. Такой же шаткостью отличаются и доводы археологовъ. Мухъ [въ 1902 г.] указавъ, что остатки матеріальной культуры неолитической [т. е. позднѣйшей эпохи каменнаго періода] эпохи, на примѣръ, оружіе и разные срудія, во всей Европѣ настолько однородны, что должны были имѣть общее начало, а несходный пунктъ этой культуры, по мнѣнію Муха, слѣдуетъ искать на западномъ побережьи Балтійскаго моря, такъ какъ-де тамъ находятъ не только больше всего остатковъ той культуры, но и большее разнообразіе ихъ. А что носителями этой неолитической культуры были индо-европейцы, Мухъ заключаетъ изъ того, что преемственная связь ея съ культурой послѣдующихъ эпохъ нигдѣ не прерывается. Къ тому же заключенію одновременно пришелъ другой археологъ Косинна. Между тѣмъ, какъ Мухъ использовалъ всё

остатки матеріальной культуры, Косинна опирается въ своей аргументаціи почти всецѣло на внѣшнюю форму и орнаментъ глиняныхъ горшковъ. Оба они держатся того мнѣнія, что однородная культура неолитической эпохи распространена передвиженіемъ народовъ съ сѣвера на югъ, не считаясь вовсе съ возможностью торговыхъ сношеній. Ср. греч. *ἡγερέυς*, которое въ латинскомъ далѣ *amora*, въ старо-верхне-нѣмецкомъ *am-bal*, въ славянскомъ *ѡборъ* показываетъ какъ переносятся культурныя понятія и выражающія ихъ слова. А къ доводамъ Муха Косинна относится отрицательно, а къ самому Косиннѣ отрицательно^{же} относится научная критика. Во всякомъ случаѣ, не можетъ считаться доказаннымъ, что носителями неолитической культуры были индо-европейцы. И если около Балтійскаго моря при раскопкахъ находятъ больше всего такихъ предметовъ, которые изготовлены изъ кремня, то это объясняется обиліемъ кремня въ тѣхъ странахъ и болѣе позднимъ знакомствомъ съ металлами. И такъ, данныя археологіи и антропологіи пока мало содѣйствуютъ разрѣшенію вопроса о прародинѣ индо-европейцевъ. Остаются, значитъ, только показанія языковъ, историческія и географическія соображенія. Но лингвистическія данныя намъ даютъ только очень общія указанія на природу прародины, подходящія къ весьма различнымъ пунктамъ и поэтому точное опредѣленіе географичес-

ческаго положенія прародины индо-европейцевъ невозможно. Одни ищутъ ее въ средней Европѣ, при чемъ ссылаются на слѣдующія соображенія. Букъ встрѣчается только въ германіи, точнѣе къ западу отъ линіи Кенигсбергъ - Одесса, между тѣмъ индо-европейскіе языки знаютъ это слово: латинск. *fabula*, греч. *φύλον* [дубъ], древне-верхне-нѣмецкій *boha*; разъ индо-европейцы знали это дерево, то и прародину ихъ надо искать къ западу отъ линіи Кенигсбергъ - Одесса. Даже указываютъ, что индо-европейцы знали какъ общія названія слѣдующихъ деревьевъ: березы. [осет. *barse*, нѣм *birke*, санскр. *विष्वा* | нвы [греч. *ἰδρα* | сосны, дуба; также изъ злаковъ-просо, пшеницу, ячмень; на послѣдній въ особенности указываютъ, такъ какъ ячмень растетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣто очень коротко, и такимъ образомъ прародина индо-европейцевъ занимала болѣе сѣверныя страны. Таково мнѣніе однихъ ученыхъ.

Прадери же считаетъ прародиной индо-европейцевъ степи юго-восточной Европы, на основаніи лингвистическихъ, историческихъ и географическихъ соображеній. Данные языка, по мнѣнію Прадера, указываютъ на то, что индо-европейскій пранародъ велъ пастушескій образъ жизни, знакомъ былъ съ начатками земледѣлія и жилъ въ мѣстности обильной лѣсами; известно, что сѣверная часть Украины тогда была покрыта

лѣсами. Шрадеръ ссылается также на родство индо-европейскихъ языковъ съ финскими; слѣдовательно, прародина индо-европейцевъ была вблизи мѣстности, населенной финнами, а послѣдніе жили въ сѣверной Россіи. Противъ помѣщенія прародины въ нынѣшней Германіи, по мнѣнію Шрадера, говоритъ родство индо-европейцевъ съ семитами, жившими въ Вавилонѣ, значить, прародину надо помѣщать болѣе къ югу. Въ виду всего этого Шрадеръ полагаетъ, что прародиной индо-европейцевъ была Украина.

Уже въ самой прародинѣ своей индо-европейскій языкъ распадался на рядъ говоровъ и имѣлъ за собою уже длинную исторію.

Въ подтвержденіе того, что въ праязыкѣ надо различать рядъ говоровъ, приводятъ названіе числительнаго 100; восточные языки имѣютъ начальнымъ кореннымъ гласнымъ *ṣ, ṣ̌*, западные - *K*, ср.-лит. *simpr-tas*, санскр. *śatan*, авест. *satən*, и съ другой стороны гр. *|ξ|κατοῦ*, лат. *centum* | *C* чит. *K* |, гот. *hund*, современ. нѣмецк. *hundert* и т.п. Это обстоятельство является основаніемъ дѣленія индо-евр. языковъ на двѣ группы "*kentum*" и "*satən*".

Извѣстно, что отъ основы *es* | лат. *esse* | формы единственнаго числа въ латинскомъ имѣютъ *es, est*, санскрит. *asti*, но множественное въ лат. *sumus sunt*, санскрит. *santi*. Это показываетъ, что въ

праязыкъ были двѣ основы: *es, sum*, и если предполагать, что первоначальная основа была *es*, то ни одинъ языкъ не сохранилъ ее для множественнаго числа, что указываетъ, что она была утрачена и въ праязыкѣ, а это указываетъ, что праязыкъ имѣлъ свою исторію, но она для насъ почти недоступна.

Что касается вопроса объ отношеніи родства индо-европейскихъ языковъ къ физическому родству племенъ, которымъ принадлежатъ эти языки, то вопросъ о принадлежности къ той или другой націи опредѣляется не физическими признаками индивидуума, но принадлежностью къ общей духовной культурѣ, среди которой важное мѣсто занимаетъ языкъ. Какъ современныя наблюденія надъ антропологическими признаками индо-европейцевъ, такъ и историческія данныя | *Caesar* | опровергаютъ мнѣніе, что всѣ племена, говоряція индо-европейскими языкомъ когда-то составляли одно цѣлое и въ физическомъ отношеніи. Напрасно даже задаются вопросомъ, какой изъ распространенныхъ среди индо-европейцевъ типовъ можно признать первоначальнымъ носителемъ индо-европейскаго языка и культуры. Слишкомъ много вѣдь прошло времени отъ отдаленной эпохи возникновенія индо-европейскаго праязыка и слишкомъ сложна была исторія его распространенія. Вирховъ прямо отрицаетъ однородность типа индо-европейцевъ въ краниологическомъ отношеніи. Темныя разно-

видности индо-европейцевъ, вѣроятно, обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію болѣе южныхъ мѣстностей или смѣшенію съ темными расами.

Послѣ того какъ было установлено, что всѣ индо-европейскіе языки ведутъ свое начало отъ когда-то существовавшаго праязыка, возникло и представленіе о возможности открыть культуру этихъ праиндо-европейцевъ. Впервые А. Кунъ далъ намъ въ 1845 году болѣе обстоятельную картину праиндо-европейской культуры, основываясь на данныхъ, сравнительно историческаго изученія индо-европейскихъ языковъ, пользуясь при этомъ этимологическими трудами Потта, Бенфея и др. За нимъ послѣдовалъ въ 1848 году Яковъ Гриммъ, посвятившій этимъ вопросамъ нѣсколько главъ своей исторіи нѣмецкаго языка. Оба они при этомъ держались слѣдующаго взгляда на значеніе лингвистическихъ данныхъ: если извѣстное слово повторяется во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ или въ большинствѣ ихъ приблизительно въ одномъ и томъ же видѣ и приблизительно съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, то оно относится къ индо-европейской эпохѣ, равно какъ то понятіе, которое выражается даннымъ словомъ. Такъ на примѣръ на основаніи словъ; скр. *aśva* *aśpa* , лат. *equos* , лит. *ašva* , древн. ирл. *ech* , др.-сако: *ehh* = лошадь | безъ всякихъ оговорокъ заключали, что праиндо-европейцъ. была извѣстна лошадь, какъ домаш-

нее животное. Тотъ же Кунъ въ 1855 году снова занимается этимъ вопросомъ въ статьѣ: „*Die Sprachvergleichung und Urgeschichte*“-. Здѣсь онъ говоритъ относительно примѣненія сравнительнаго метода, что прежде всего обстоитъ дѣло, если названіе того или другого культурнаго явленія тождественно по происхожденію и въ корнѣ, и въ окончаніи, или во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ, или по крайней мѣрѣ въ такихъ изъ нихъ, которые имѣютъ наиболѣе длинный рядъ литературныхъ памятниковъ; однако, это встрѣчается не часто. Объясняется это тѣмъ, что кругъ представленій отдѣльныхъ народовъ измѣнялся, расширяясь или суживаясь, въ зависимости отъ природы странъ, черезъ которыя они двигались, и отъ степени культурности племенъ, вступающихъ съ ними въ тѣ или другія отношенія, при чемъ исчезали многіе обычаи и привычки среди новыхъ условій жизни. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что у грековъ, римлянъ, нѣмцевъ встрѣчаются такія названія животныхъ и растений, которыя неизвѣстны древнимъ индійцамъ, встрѣтишимъ въ своей новой родинѣ столь своеобразную природу. А это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что существованіе въ индо-европейскомъ праязыкѣ извѣстныхъ культурныхъ терминовъ, не засвидѣтельствованныхъ въ достаточной мѣрѣ отдѣльными языками, остается вслѣдствіе этого недоказаннымъ и является толь-

ко болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Затѣмъ Кунъ указываетъ и на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы лишены возможности опредѣлить значеніе слова въ индо-европейскомъ праязыкѣ, если въ отдѣльныхъ языкахъ мы находимъ различныя значенія родственныхъ словъ [напр. слово *fagus* въ лат. обозначаетъ "букъ", между тѣмъ въ греческомъ *υφύος* - "дубъ". Среди послѣдователей Куна видное мѣсто занимаетъ *Pictet*, книга котораго о первобытной культурѣ индо-европейцевъ [189 - 63] долгое время служила источникомъ поученія для историковъ и этнологовъ, несмотря на серьезныя возраженія спеціальной критики. *Pictet* считая древнюю Бактрію прародиною индо-европейцевъ на основаніи общихъ соображеній и данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ показаній языка, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ вдвигаетъ въ общую картину рисуемаго имъ быта всѣ тѣ элементы, на которые указываютъ географическія, естественно-историческія особенности упомянутой мѣстности, хотя бы у него и не было другихъ основаній для этого. Кромѣ того, *Pictet* въ привлекаемомъ имъ лингвистическомъ матеріалѣ не различаетъ фактовъ дѣйствительно древнихъ отъ позднихъ, явившихся уже въ эпоху отдѣльнаго существованія индо-европейскихъ языковъ, отчасти даже на памяти литературной традиціи. Кромѣ того, онъ въ своихъ сопоставленіяхъ не обращаетъ должнаго вниманія на фонетическіе законы, такъ что до-

него выдавались за родственныя слова, не имѣющія ничего общаго между собою. И считая согласно господствовавшему въ то время мнѣнію, санскритъ болѣе древнимъ, нежели прочіе индо-европейскіе языки, онъ отправлялся всякій разъ отъ показаній санскрита для опредѣленія культурнаго состоянія индо-европ. Вслѣдствіе всего этого, добытые имъ результаты были весьма ненадежны. Почти такую же картину первобытной культуры индо-европейцевъ, какъ Пикте далъ и нѣмецкій языковѣдъ Юсти. Но Шлейхеръ уже въ 1860 г. указалъ на возможность заимствованія культурныхъ терминовъ однимъ народомъ у другого, заставляющаго относиться осторожно къ такимъ словамъ, которыя повторяются не во всѣхъ родственныхъ языкахъ или по крайней мѣрѣ въ двухъ группахъ ихъ [въ то время уже было извѣстно понятіе "бродячихъ сюжетовъ" въ мифологіи и народной словесности]. Кромѣ того, Шлейхеръ отмѣтилъ неправильность заключеній, дѣлаемыхъ на основаніи отсутствія у того или другого народа извѣстныхъ культурныхъ терминовъ, родственныхъ съ соотвѣствующими терминами другихъ языковъ, такъ какъ такіа слова могутъ теряться, исчезать изъ языка въ теченіе тысячелѣтій его жизни. Такъ напримѣръ, исчезло въ балт. слав. группѣ слово *father*, которое мы находимъ въ другихъ группахъ со значеніемъ "отецъ". Общую чертою многочисленныхъ попытокъ реконструкціи бытовыхъ и

культурныхъ условій жизни индо-европейцевъ , предпринятыхъ въ теченіе разсматриваемаго періода, слѣдуетъ признать представленіе о высшемъ уровнѣ этой жизни, знавшей сложившіяся уже отношенія семейныя, общинныя и государственныя, земледѣліе и скотоводство, почти всѣхъ современныхъ домашнихъ животныхъ и т. п. Значительную роль играли при этомъ своеобразныя романтическія идеи о своего рода "золотомъ вѣкѣ", въ которомъ жили наши отдаленные предки въ прародинѣ, а также гордая мысль о богатыхъ дарованіяхъ нашей расы, играющей столь выдающуюся роль въ общей культурной исторіи человѣчества и рано развившей довольно высокую цивилизацію. Затрудненіе, явившееся со стороны археологіи, открывшей низкую ступень культуры обитателей Европы, оставившихъ послѣ себя "кухонные остатки", обходили, указывая на смѣну населенія Европы, вызванную появленіемъ индо-европейцевъ изъ Азіи, принесшихъ съ собою свѣтъ цивилизаціи вмѣстѣ съ металлами. Идиллическимъ картинамъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ былъ нанесенъ серьезный ударъ трудомъ В. Гена. "*Kulturpflanzen und Haustiere in ihren Uebergang von Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa*", I изд. 1870 г. Генъ , главнымъ образомъ, опирается на свидѣтельства древнихъ и средневѣковыхъ писателей о примитивной культурѣ

преимущественно обитателей средней и сѣверной Европы и только изрѣдка пополняетъ эти свѣдѣнія показаніями лингвистики. Между тѣмъ, какъ его предшественники соединяли со словами индо-европейскаго праязыка культурныя понятія болѣе поздней эпохи, Генъ указалъ, что это неправильно [было слово *ekvos* "лошадь" въ индо-европейскомъ праязыкѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы уже въ эпоху индо-европейскаго праязыка лошадь была домашнимъ животнымъ]. Кромѣ того, Генъ, подобно Шлейхеру, подчеркиваетъ то важное обстоятельство, что культурные термины часто заимствуются однимъ народомъ у другого, при чемъ Генъ указываетъ, что такія заимствованія были возможны и въ ту эпоху, когда современные индо-европейскіе языки представляли собою еще только говоръ общаго индо-европейскаго праязыка. Такъ напримѣръ, въ индо-европейскомъ праязыкѣ ^{БЫЛЪ} корень *mol/mel* со значеніемъ - "измельчать, молоть"; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы уже въ эпоху индо-европейскаго праязыка всѣ индо-европейскіе племена умѣли молоть хлѣбъ. Дѣло можетъ и такъ обстоять, что сначала одно изъ индо-европейскихъ племенъ научилось молоть хлѣбъ, употребляя для этого понятія существовавшій уже корень *mol/mel* "измельчать", а потомъ уже вмѣстѣ съ распространеніемъ новаго понятія [молоть] среди сосѣднихъ племенъ распространилось и примѣненіе къ нему уже суще-

ствовавшего $\sqrt{\frac{mol}{mel}}$ Относительно праиндо-европейской культуры Генъ приходитъ къ заключенію, что индо-европейцы въ своей прародинѣ жили еще кочевой пастушескою жизнью и лишь въ концѣ періода совместной жизни стали знакомиться съ начатками земледѣлія; изъ домашнихъ животныхъ были извѣстны: рогатый скотъ, овцы и свиньи; питались мясомъ и молокомъ, не перерабатывая его въ масло или сыръ; жили зимою въ пещерахъ, лѣтомъ въ шалашахъ или деревянныхъ повозкахъ на колесахъ; изъ напитковъ знали только медъ, изъ металловъ - только мѣдь, не изготовляя, однако, изъ нея никакихъ орудій. Соль сдѣлалась достояніемъ только тѣхъ индо-европейцевъ, которые перешли въ Европу. Также семейная жизнь была очень первобытна; неспособныхъ къ труду стариковъ убивали, отецъ имѣлъ право отказаться отъ новорожденного; женъ покупали или похищали. Очень примитивны были и религіозныя представленія: силы природы еще не олицетворялись; практиковалось волхованіе и господствовало суевѣріе. Сначала не обращали должнаго вниманія на новые взгляды Гена. Вышедшая въ 1873 г. книга Фика *"Die ethnologische Sprachkenntnis des Indogermanen Europas"* въ общемъ стоитъ еще на прежней почвѣ. Усиленная работа въ области сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ въ семидесятихъ годахъ отвлекла вниманіе отъ индо-европейскихъ древностей, но разра-

боткою этимологии была темъ не менѣе создана прочная база для культурно-историческихъ работъ по даннымъ языка. Въ 1888 г. появилась въ I изданіи книга профессора Шрадера *"Sprachvergleichung und Urgeschichte"*. Шрадеръ въ обширныхъ размѣрахъ использовалъ результаты, добытые различными специалистами относительно культуры доисторического періода, путемъ изслѣдованія ея матеріальныхъ остатковъ. И такъ какъ онъ съ осторожностью пользовался также данными языковѣдѣнія, то онъ пришелъ къ нѣскольکو инымъ выводамъ, чѣмъ В. Генъ. Кромѣ того, онъ разсматриваетъ и такія явленія, о которыхъ не упоминаетъ Генъ. По мнѣнію Шрадера первобытная культура индо-европейцевъ совпадаетъ съ культурою неолитического періода; далѣе онъ устанавливаетъ переходъ отъ пастушеской жизни къ началкамъ земледѣлія. Выводы Шрадера въ общемъ признаютъ и научною критикою. Онъ же написалъ *"Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde"*, представляющій въ алфавитномъ порядкѣ рядъ статей по вопросамъ индо-европейскихъ древностей.

О РАСПАДЕНІИ ПРАЯЗЫКА.

Послѣ того, какъ было установлено, что когда-то существовалъ индо-европейскій праязыкъ - родоначальникъ современныхъ индо-европейскихъ языковъ, начали задаваться и вопросомъ о его распаденіи и сое-

динять отдѣльные индо-европейскіе языки въ группы по ихъ ближайшимъ родственнымъ отношеніямъ. Вниманія заслуживаетъ тутъ прежде всего теорія Шлейхера, называемая теоріею **Р о д о с л о в н а г о д р е в а**; онъ изображалъ графически процессъ распада индо-европейскаго праязыка сначала въ видѣ развѣтвленія древеснаго ствола, впоследствии же онъ для этой цѣли примѣнялъ схему развѣтвленія прямой линіи.

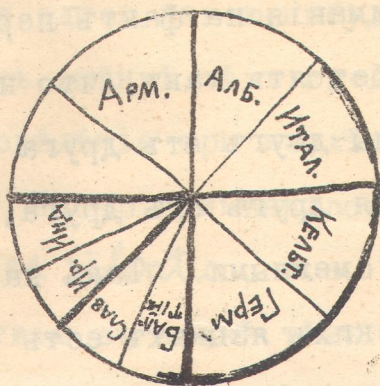
Сущность его теоріи заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ самой природѣ языка кроется стремленіе къ дифференціаціи, то и въ составѣ индо-европейскаго праязыка возникла такая дифференціація, ведущая къ распаденію его на нѣсколько языковъ, при чемъ такая дифференціація продолжалась и послѣ расселенія индо-европейцевъ. Опредѣляя ближайшія родственныя отношенія между отдѣльными индо-европейскими языками, Шлейхеръ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1] чѣмъ дальше на западъ изъ Азіи продвинулся индо-европейскій языкъ, тѣмъ больше въ немъ новообразований и тѣмъ меньше въ немъ стараго; 2] чѣмъ дальше на западѣ индо-европейскій языкъ, тѣмъ раньше онъ отдѣлился отъ общаго корня. Согласно этой теоріи, сначала славяно-германцы покинули прародину, а за ними греко-италійцы. Затрудняли его при этомъ только кельтскіе языки: сначала, согласно своему второму по

ложенію, онъ полагалъ, что кельты выдѣлились раньше всѣхъ прочихъ сородичей, а затѣмъ ближе ознакомившись съ кельтскими языками, онъ долженъ былъ сблизить ихъ съ греко-италійскою группою, а этимъ была нарушена его теорія. Одновременно съ первымъ выступленіемъ Шлейхера по этому вопросу [въ 1853] Максъ Мюллеръ высказалъ мысль, что индо-европейцы раздѣлились первоначально на сѣверо-западную группу - родоначальницу европейскихъ народностей индо-европейскаго племени, и на южную группу, распавшуюся потомъ на индійцевъ и иранцевъ. Эту гипотезу отстаивали затѣмъ и другіе языковѣды, напримѣръ, Курціусъ и Фикъ, указывая на общія особенности европейскихъ языковъ. Противъ теоріи родословнаго древа въ 1872 году выступилъ Іоганнъ Шмидтъ. По мнѣнію Шмидта вся совокупность индо-европейскихъ языковъ представляетъ собою непрерывный рядъ или цѣпь, гдѣ каже два сосѣднихъ элемента имѣютъ спеціальныя черты сходства, при чемъ нѣкоторыя явленія захватываютъ нѣсколько сосѣднихъ языковъ, перекрещиваясь въ различныхъ направленіяхъ. И это объясняется тѣмъ, что въ эпоху общаго праязыка, представлявшаго одну массу, въ различныхъ ея пунктахъ возникали различныя особенности, распространявшіяся въ различной степени на сосѣдніе элементы. При такомъ пониманіи процесса дифференціаціи немислимы рѣзкіе переходы между

отдѣльными группами языковъ, а если все же есть такіе рѣзкіе переходы, то они объясняются, по мнѣнію Шмидта исчезновеніемъ промежуточныхъ элементовъ вслѣдствіе преобладанія по различнымъ условіямъ одного варианта надъ сосѣдами съ той и съ другой стороны. Такъ напримѣръ, когда возникаетъ литературный языкъ, онъ поглощаетъ всѣ другіе говоры, вытѣсняетъ ихъ; тоже производитъ и говоръ господствующаго племени [ср. въ Италіи поглощеніе латинскимъ языкомъ другихъ говоровъ]. Поэтому могутъ получиться рѣзкіе переходы. Изъ этой, такъ называемой теоріи волнъ вытекаетъ признаніе, что современное распаденіе индо-европейскихъ языковъ, отражаетъ отношенія, существовавшія въ значительно меньшемъ масштабѣ уже въ прародинѣ. Эта теорія водитъ дѣйствительно объясняетъ много явленій. Такъ мы знаемъ, что сосѣдніе языки имѣютъ много общаго; мы находимъ общія черты въ индійскомъ и славянскомъ, въ славянскомъ и германскомъ, въ германскомъ и кельтскомъ, въ этомъ послѣднемъ и италійскомъ, въ немъ и въ греческомъ; иногда связь эта заходитъ такъ далеко, что бываетъ трудно установить границы того и другого языка: такъ нѣкоторыя нарѣчія словинскаго и хорватскаго языка такъ близки, что спеціалисты затрудняются, куда какое нарѣчіе относится. „Теорія волнъ“ нашла много сторонниковъ, особенно въ средѣ тѣхъ языковѣдовъ, которые изучаютъ дѣ-

лектологію сучасних мов. Но знайшлися і противники, котрі, оспариваючи доводи Шмідта, або відстоювали теорію „родословного дерева“, або пропонували нові теорії стосовно диференціації індо-європейських мов. Теорія Шмідта зберігає своє значення і тепер, тільки треба мати на увазі, що риси подібності іноді пояснюються випадковим збігом. Так, ми зустрічаємо в германській мові $d, g > t, k$ в початку слів, ту ж рису знаходимо і в армянській мові; було б помилково заключати, що хоча б предки германських і армянських мов були сусідами. Риси подібності пояснюються іноді також впливом чужого народу, наприклад, всі гало-романські мови знають перехід $u > y$, що пояснюється тим, що на латинській мові впливали кельти. І взагалі питання про найближче родство між окремими родственими мовами вирішується не окремими рисами подібності, а наявністю цілого ряду тотожних новоутворень і сукупністю всіх даних історії, розглядаємих мов.

В доповнення до того, що вже було сказано мною стосовно *теорії* Шмідта, для більш ясності про неї представлення, нахожу потрібним додати наступне. Представимо собі сім'ю індо-європейських мов в вигляді кола, де окремі сектори позначають окремі гілки цієї сім'ї, т. є.

Подобно тому, какъ камень, падая въ воду, производитъ волны, которыя чѣмъ дальше расходятся, тѣмъ становятся все меньше и меньше, такъ и въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ явленіе, возникшее въ области одной какой нибудь вѣтви, распространяется на подобіе волны и захватываетъ большій или меньшій кругъ вѣтвей. Напримѣръ, извѣстно, что индо-иранскіе языки отличаются тѣмъ, что общія индо-европейскія гласныя о, е перешли въ а. Первое явленіе, первая волна $e > a$ захватила небольшой кругъ, именно только область индо-иранскихъ языковъ, тогда какъ другая волна $[ö > ä]$, охватила и албанскую и германскую и славяно-балтійскую вѣтви. Вообще сосѣднія группы отличаются общими особенностями, такъ италійская и кельтская съ одной стороны, кельтская и германская - съ другой имѣютъ свои общія особенности. Въ этомъ и состоитъ сущность теоріи волнъ. Какъ я уже сказалъ, "теорія волнъ" объясняетъ много явленій. Но ни Шлейхеръ, творецъ теоріи родословнаго древа, ни Шмидтъ не-

обратили должнаго вниманія на фактъ переселенія. Иногда дѣло можетъ обстоять такъ, что нынѣшніе сосѣди могли быть отдѣлены другъ отъ друга и наоборотъ, вѣтви, теперь удаленныя другъ отъ друга, могли въ гла-бокой древности быть смежными. Такъ напримѣръ, въ италійскомъ и славянскихъ языкахъ есть слова повто-ряющіяся | "securis" - "сѣкира" и нѣкоторыя другія | и есть возможность предполагать поэтому, что италій-цы и славяне когда -то имѣли непосредственное со-прикосновеніе.

На эту возможность переселенія указаль Лескинъ въ 1876 году въ предисловіи книги *"Die Einfluss- tion in Slavisch-Lit. und Finnisch-Finn"*

— "Склоненіе въ славянско-балтійскомъ и герман-скихъ языкахъ." Онъ тамъ указываетъ, что при рас-пространеніи индо-европейцевъ не обошлось безъ пере-мѣщеній отдѣльныхъ племенъ, безъ выселеній, такъ что взаимное соотношеніе по мѣсту, существовавшее въ пра-родинѣ, было нарушено, а вслѣдствіе этого могла пре-кратиться кое гдѣ и связь, существовавшая прежде ме-жду отдѣльными группами языковъ. Въ новѣйшее время нѣкоторыя [Гиртъ и др.] объясняютъ чуть-ли не всю дифференціацію индо-европейскихъ языковъ вліяніемъ на нихъ чужихъ языковъ, на которыхъ говорили пред-шественники индо-европейцевъ. Но распаденіе языка на нарѣчія -явленіе весьма сложное и не объясняется

исключительно одною какою-нибудь теорією - Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ языковѣдѣніе при изслѣдованіи доисторическихъ эпохъ. Часто примѣнялось и примѣняется *argumentum ex silentio*, т.е. заключеніе на основаніи отсутствія въ языкѣ тѣхъ или другихъ словъ, обозначающихъ культурныя понятія. Иногда несомнѣнно такое отсутствіе объясняется просто утратою словъ [ср. *pater*!]. Ср. огромную территорію, занимаемую индо-европейцами, представляющую столь различныя климатическія и топографическія условія, такъ что крупныя измѣненія въ словарномъ составѣ были неизбежны, и въ виду этого нѣкоторые ученые вообще не признаютъ *argum. ex silentio*. Но когда отсутствуютъ общія названія для цѣлой категоріи понятій, то трудно думать о случайномъ ихъ исчезновеніи. Такъ напримѣръ, Шрадеръ указываетъ, что въ индо-европейскихъ языкахъ очень мало родственныхъ названій въ области судоходства и судостроенія, между тѣмъ какъ сохранилось, напримѣръ, много общихъ терминовъ, относящихся къ устройству воза, и отсюда онъ заключаетъ, что суда первобытныхъ индо-европейцевъ были вѣроятно не иного типа, какъ только древесныя стволы. Иногда и исторія самаго слова указываетъ на позднее знакомство съ тѣмъ понятіемъ, которое обозначается даннымъ словомъ: объ этомъ свидѣтельству-

еть заимствование изъ другого языка, такъ напримѣръ, понятие "окна" въ нѣм. заимствовано [Фнн | 4нн] изъ латинскаго *fenestra*, которое также заимствовано изъ греческаго; въ послѣднемъ формы φαῖνεται мы не имѣемъ, но несомнѣнно, что корень этого слова есть φαῖν - |являюсь, показываюсь|; въ готскомъ это слово явилось черезъ сложение *auga-dauht* |двери глазъ|, въ славянскомъ этимологія слишкомъ прозрачна о к н о ср. о к о. Такимъ образомъ, понятие это знакомо индо-европейцамъ не такъ давно.

Затѣмъ, спрашивается въ сколькихъ языкахъ должно повторяться извѣстное слово для того, чтобы оно могло считаться унаслѣдованнымъ изъ эпохи индо-европейскаго праязыка, и какое значеніе имѣютъ такіа соотвѣтствія, которыя ограничиваются только нѣкоторыми языками. Вѣдь весьма мало такихъ случаевъ, когда то или другое слово индо-европейскаго праязыка сохранилось во всѣхъ или почти всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ [какъ напримѣръ, *mater*]. Чаше тѣ случаи, когда во всѣхъ родственныхъ языкахъ сохранились образования отъ одного и того же корня, т.е. образования не тождественныя, но сходныя. Затруднительно иногда также опредѣленіе значеній индо-европейскихъ корней. И если соотвѣтствія ограничиваются лишь нѣсколькими родственными языками, то мы часто не можемъ установить, были ли они нѣкогда дальше

распространены или только исчезли изъ другихъ, или же и первоначальная область ихъ распространенія совпадаетъ съ теперешнею ихъ территоріею. Къ эпохѣ индо-европейскаго праязыка можно относить: 1| такіа слова, которыя повторяются во всѣхъ родственныхъ языкахъ, 2| вѣроятно и такіа слова, которыя встрѣчаются въ большинствѣ индо-европейскихъ языковъ и 3| съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, и такіа слова, которыя намъ извѣстны изъ тѣхъ языковъ, которыя очень рано порвали непосредственныя связи другъ съ другомъ [напр. съ кельтскій и арійскій, арм. и германск., греч. и герм.]. Что касается соотвѣтствія двухъ сосѣднихъ группъ языковъ, [напримѣръ, кельскаго и германскаго], то частью они могли возникнуть, хотя бы и очень давно, но можетъ быть уже не въ эпоху общей жизни съ прочими сородичами. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что при расселеніи индо-европейцевъ изъ прародины дѣло, вѣроятно, не обошлось безъ цѣлаго ряда передвиженій и переселеній, такъ что племена, бывшія въ прародинѣ сосѣдями, могли потомъ во время расселенія быть отторгнуты другъ отъ друга, какъ напримѣръ, предки носителей италійскихъ и славянскихъ языковъ, о чемъ я уже говорилъ выше, относительно которыхъ можно думать, что они сосѣдили когда-то. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что извѣстныя намъ соотвѣтствія въ индо-европейскихъ языкахъ

не всё одинаковой древности, но могут восходить къ различнымъ эпохамъ въ жизни индо-европейскаго праязыка. Затѣмъ надо указать, что однородныя образованія отъ одного и того же корня въ нѣсколькихъ родственныхъ языкахъ могутъ быть созданы и независимо другъ отъ друга, если данный корень и данный суффиксъ принадлежатъ къ числу живыхъ элементовъ данныхъ языковъ. Такъ на примѣръ, индо-европейскій $\sqrt{\text{gnō}}$, отъ котораго произошли jñāta [санскритск.] γνωστῆς - греч. *notor* - лат. = [знатокъ, свидѣтель въ достовѣрности поручитель], но изъ этого не слѣдуетъ, что въ эпоху праязыка существовало слово съ такимъ значеніемъ; слова эти могли быть созданы уже въ эпоху особой жизни каждаго языка. Съ осторожностью слѣдуетъ пользоваться и звукоподражательными образованіями [на примѣръ, кукушка, киккирик, сисилу, кокоѳ окр. kōki lās , ирл. *cuach*]. Что касается такихъ различій, какъ I | поб-а и *pedem* или 2 | *cor* и širdis , т.е. въ I | различія гласныхъ корня во 2 | **согласныхъ** - это не мѣшаетъ относить эти слова къ праязыку, ибо въ немъ были чередованія гласныхъ е|о , и к|г .

Часто остается тотъ или другой терминъ, несмотря на всё измѣненія самаго понятія; такъ на примѣръ, сопоставляя индо-европейскіе языки, мы видимъ, что съдѣйствіемъ, обозначаемымъ глаголомъ "варить" | ср.

греч. πῆσσω (из πῆκω) слав. пекъ санскрит. *paśati*] были знакомы индо-европейц. уже въ своей прародинѣ, но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы они уже тамъ пользовались всѣми современными усовершенствованіями и приспособленіями повареннаго искусства. И поэтому необходимо освѣщать выводы, достигнутые путемъ изученія лингвистическихъ фактовъ данными исторіи культуры, не перенося болѣе позднихъ элементовъ на болѣе отдаленныя эпохи. Затѣмъ, что касается вопроса о заимствованіи, то Кречмеръ полагаетъ, что нѣтъ разницы между распространеніемъ, путемъ заимствованія, [напримѣръ, санскритск. *ṛīraṇi* (*ṛīraṇi*), перешло въ греческій въ формѣ πῆρῶν, откуда затѣмъ въ латинскій *ṛīper*, въ нѣмецкій *guffen*, славянскій - п е р е ц ъ] и распространеніемъ въ индо-европейскую эпоху, напримѣръ слова индо-европейск. *ḥiǵot*, санскр. *ḥiǵat*, *ḥu-* *ḥov* лат. *jūgit*, слав. и г о. Но даже допуская возможность заимствованія термина и понятія *ḥiǵot* мы все-таки получаемъ въ результатѣ, что *ḥiǵot* было извѣстно уже въ индо-европейской прародинѣ, такъ какъ Кречмеръ не можетъ доказать, что индо-европейскіе языки уже послѣ своего раздѣленія долгое время продолжали сохранять неизмѣненнымъ свой общій видъ и что целый рядъ культурныхъ пріобрѣтеній былъ одѣланъ въ эту эпоху, путемъ передачи отъ одной группы

къ другой, частью на разстояніи и черезъ посредству-
ющія народности иного племени; а если это такъ, то
распространеніе *indot* относится къ эпохѣ индо-ев-
ропейскаго праязыка. Заимствованія болѣе поздняго
времени узнаются по своему звуковому составу. Такъ
напримѣръ, заимствованнымъ должно считать слово моло-
ко, церковно-славянское м л ѣ к о, ср. гот. *miliko*,
melken.

Если бы это слово не было заим-
ствовано, то въ соотвѣтствіе нѣмецкому К, въ славян-
скомъ было бы *З* | ср. исконно-слав. м о л о з и в о,
церковно-слав. мѣлѣзъ, м л ѣ с т и - доить |; въ сла-
вянскомъ нѣтъ родственныхъ словъ, гдѣ бы въ соотвѣт-
ствіе К нѣмецкому не было бы *З*; присутствіе обща-
го К въ данномъ случаѣ является указаніемъ на заим-
ствованіе.

Не всегда, однако, звуковой составъ можетъ по-
мочь въ опредѣленіи этого. Такъ, есть основаніе ду-
мать, что слово б л ю д о заимствовано изъ нѣмец-
каго [ср. готск. *biups, -dis*, кельт. *biudan*];
здѣсь звуковой составъ словъ не указываетъ на заим-
ствованіе, однако, въ славянскихъ языкахъ корень та-
кой отсутствуетъ, а въ германскихъ онъ есть на лицо.
Наконецъ, иногда можно сомнѣваться заимствовано ли
слово, или нѣтъ, напримѣръ БРѢГЪ и нѣм. *Berg*.

Еще труднѣе рѣшить этотъ вопросъ, если языки
близко родственны: такъ, слав. г о д ѣ и латышск.

gads. Исследование заимствованных словъ даетъ важныя указанія не только для культурной исторіи, но даже для хронологіи самыхъ явленій языка. Такъ, на-
примѣръ извѣстно, что прасл. звукъ [ɣ(ʁ)] въ рус-
скомъ языкѣ перешелъ въ *у*; можно установить, что
этотъ звукъ существовалъ еще, какъ носовой, въ рус-
скомъ языкѣ въ началѣ 9 вѣка. Русскіе, заимствуя на-
звание мадьяръ въ эту эпоху называли ихъ *хгре*
| ср. греч. *οὐγγαροι*, лат. *ungari* |; такимъ
образомъ, слогъ *un* переданъ былъ въ русскомъ язы-
кѣ однимъ звукомъ *х*. Если бы въ ту эпоху этого
звука уже не было, то и современная намъ форма не
была бы *у г р ы*, а *у н г р ы*. Не всегда, однако,
заимствование слова указываетъ на заимствование и са-
маго понятія. Иногда введеніе чужого слова объяс-
няется своего рода модой. Ср. современный "лидеръ",
которое употребляется, несмотря на присутствіе въ
языкѣ соотвѣтствующаго значенія [— „вождь, представи-
тель" и т.п.]. Затѣмъ нерѣдко при заимствованіи сло-
ва для обозначенія предмета, уже имѣющаго свой ту-
земный терминъ, одновременно съ чужимъ словомъ усва-
иваютъ и особый оттѣнокъ значенія. Таково нѣмецкое
сов. *pferd*, которое является заимствованнымъ
изъ латинскаго *paraveredus* = "почтовая лошадь";
слово это въ нѣмецкомъ употреблялось сначала съ та-
кимъ значеніемъ, а затѣмъ обобщилось и вытѣснило су-

ществовавшее ранѣе [изъ индоевр. eq^hos].

Въ случаѣ новаго культурнаго приобрѣтенія не всегда для новаго понятія создается новое слово и не всегда прибѣгаютъ къ заимствованіямъ изъ другихъ языковъ; часто имѣющееся уже въ языкѣ слово приспосабливается къ новому содержанію.

Такъ, латинское *pecunia* - деньги [родственное съ *pecus* : скотъ] указываетъ, что когда то орудіемъ обмѣна былъ скотъ; на то же указываетъ нѣмецкое *Schatz* = сокровище, которое по звуковому своему составу = русскому „с к о т ъ“.

13218-yr

2100

This image shows a blank, aged, cream-colored page, likely an endpaper or flyleaf of a book. The paper has a slightly textured appearance with some minor discoloration and a small brown stain near the top center. A dark, irregular smudge is visible near the bottom center. The left edge of the page shows the binding of the book.

K. 9. 6454.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

